

новое, более широкое адаптивно-ландшафтное земледелие не только у нас в России, но и за рубежом.

Алтай для меня – большая школа жизни и труда, родина моих внуков, многих замечательных людей, с которыми пришлось общаться многие годы. Признаюсь, мысль вернуться на Алтай часто посещала меня...

В настоящее время у меня стало больше времени заниматься моей любимой наукой. Работаю над историей развития российского земледелия со времен Киевской Руси и Рюрика. Недавно на юбилейной научно-практической конференции в Тимирязевке сделал доклад на тему «Древо развития российского земледелия». Мечтаю о книге с таким же названием.

Исполняется 50 лет с начала освоения целинных и залежных земель в восточных районах России, Северном Казахстане и других регионах бывшего СССР. Для меня лично и всех первоцелинников это родная, очень большая дата, этап жизни, связанный с годами юности, романтики, началом агрономической работы, с тяжелым, но приятным трудом на новой земле, с созданием крупных житниц в Алтайском крае, Омской, Новосибирской и других областях Сибири.

В связи с предстоящим юбилеем освоения целины правление Алтайского землячества в Москве, куда вхожу и я, подготовило и направило письмо руководству края с предложением провести в марте-апреле 2004 года краевую конференцию, на которую пригласить оставшихся в живых ветеранов целины и нынешних хлеборобов, которые продолжают дело своих дедов и отцов. Трудностей у них сейчас, пожалуй, не меньше, чем было у нас в те годы.

Целина продолжается в сегодняшних делах, в работе с землей. Нужен большой совет знатоков алтайской земли: как вести земледелие в современных тяжелых условиях, как поскорее выйти из лабиринта путаницы, созданной некомпетентными реформаторами. Надо, чтобы состоялась и Всероссийская конференция, она поможет крестьянам быстрее выйти из того положения, в которое они попали.

Сегодня я живу и болею проблемами сельского хозяйства России и родного для меня Алтая. От души благодарю за оказанное мне внимание и поддержку в работе по наведению порядка на нашей российской земле.

2003 г.

СУДЬБЫ

Б. Прохоров

Немалый срок минул, как окрест Гилевки поднимали целину, а память многое хранит. О том же, что подзабылось, помогают вспоминать, воссоздавать картину прошлого разного рода свидетельства. Записная книжка Михаила Петровича Баландина. Рассказы Кузьмы Емельяновича Шмаргуна. Стихи, которые вдруг прочел Анатолий Михайлович Мирошкин. Письмо Василия Серафимовича Севостьянова. Даже то, какие отменные хлебы печет Анна Васильевна Ильичева...

Когда собирались материалы этого сборника, я отправил в Гилевку письмо Василию Серафимовичу Севостьянову, главному агроному колхоза «Заря Алтая». Он мог бы обогатить сборник воспоминаниями о целинной поре и раздумьями о сегодняшнем дне колхозного земледелия. Интереснейший агроном, обязательный человек, Василий Сера-

фимович доброжелательно отозвался на просьбу. Сочиняя ответное письмо, он и в этой малости оставался верным своему характеру. Прежде, как я мысленно представил, он не торопясь, чтобы не порвать бумагу на изломе, вынул тонюсенькие скрепочки из тетради, потом раскрыл обе ее половины, отчего листы получились в два раза длиннее. На раскрытых листах и писал. А почерк у него редкостный, чем-то смахивает па писарский, хотя и без изящных завитушек – выписана абсолютно каждая буква. Будто и не писал письмо, а собирал эти буквы. Сколько же за этим угадывалось терпения и старательности! Аккуратист Василий Серафимович, качество, как увидим далее, совсем не лишнее для агронома.

Из письма В.С. Севостьянова: «Мне не пришлось участвовать в освоении целины, о чем очень и очень сожалею. Но о целине я многое узнал из рассказов старших товарищей: директора в то время Гилевской МТС Баландина Михаила Петровича, бывшего председателя колхоза «Путь к коммунизму» Кияна Тихона Родионовича и от моего учителя, наставника, уважаемого мною человека Шмаргуна Кузьмы Емельяновича, работавшего в «Заре Алтая» председателем...».

Вот, оказывается, как. Но спасибо за подсказку – я свел тех, кого Севостьянов упоминал в своем письме.

И вот мы, Шмаргун, Баландин и я, сидим в квартире Кузьмы Емельяновича. Поселился он, став пенсионером, в научном городке, что под Барнаулом. Когда уходил на пенсию, в Гилевке еще не строили благоустроенных квартир, а он всю жизнь носит в себе фронттовую простуду и ранения, теперь уже не в силах самостоятельно даже дров наколоть. Спрашивается, объяснял он, кто бы за ним ухаживал в Гилевке? Воспользоваться помощью можно раз-другой, но не более! На этот счет полагается быть сообразительным... А все же, если признаться, тянет туда, в Гилевку. Там он еще в тридцатых годах бригадировал. Образованьишко имел, верно, пустяковое, поэтому, опять же еще до войны, поехал в город Камень на курсы. По нынешней терминологии, состоял он в резерве, его готовили на выдвижение. Так и вышло. После курсов избрали председателем колхоза. Остальную науку по части руководства хозяйством, людьми – науку, конечно, главную – получил у жизни. С войны возвратился в 43-м. Снова доверили колхоз (хвори и болезни фронттовые пришлось загнать внутрь) и аж до 1964 года трудился на председателемском посту.

Уже целина повысила спрос на инженерное образование. Инженера Михаила Баландина из самого Барнаула направили в Гилевскую МТС директором, было это в конце 1953 г. Познавал, изучал и руководил, проходя негласные уроки у того же Шмаргуна и Кияна Тихона Родионовича тоже, председателя другого колхоза, входившего в зону Гилевской МТС. Словом, сельхозником стал. Опыт эмтээсовской работы пригодился Баландину еще и в семидесятые годы, когда зачислили его инспектором краевого комитета народного контроля. В те семидесятые я, бывало, вместе с ним ездил по хозяйствам. Зрение у Михаила Петровича небогатое, смотрит, прищурив глаз, но зато как наметан его глаз! Скажет: «Этот парень толковым главным инженером будет. Технику знает. С организаторской жилкой. И за дело болеет». Другого же осудит: «Ну, что ты мне арапа заправляешь! От этого еще в целину отказывались».

При чем тут целина? – недоумевает молодой инженер.

Тут же выясняется, что седой инспектор еще в целину директорствовал в МТС. Биография. И во взгляде молодого инженера недоумение сменяется интересом и уважением, возможно, еще и оттого, что инспектор по-отцовски быстро отошел, сказал какие-то добрые слова, пожелал успеха.

Мягко Баландин со своей манерой журить: обнажит ошибку, вывернет ее наизнанку и... заулыбается. Вот, мол, дорогой, как обстоят твои дела, они, понятно, поправимые, только надо прежде хорошенько мозгами пошевелить, а потом уже засучивать рукава.

Совсем другой Шмаргун. Я не знал его молодым. Но и сейчас он, маленький и худенький, – непоседа, все его тянуло выбраться из-за стола, на ходу бросить реплику, точно в движении она больше приобретала упругости и твердости. Да еще взглянет быстрым взглядом из-под черных бровей...

– Мы дружно жили с Михаил Петровичем! – Встал рядом с Баландиным, положил на его плечо сухую ладошку.

Баландин согласился:

– Одну задачу решали!

И забыли обо мне. Вели разговор меж собой. Судили о прошлом с высоты прожитого. Сделать удалось, конечно, немало, однако не все и не везде. Ошибались.

– ...Хоть до самого крыльца распаивай, а по-хозяйски ли?

– ...И погнали пшеницу по пшенице. Овес изгнали, горох тоже. До чего дошло: менял в Баево центнер пшеницы на центнер овса...

– Это уж потом севообороты-то...

– ...Даже под свеклу не оставляли паров.

– А в Кулунду сам Бараев приехал... эрозия...

Вон уже куда ушли в своих воспоминаниях ветераны, и я прошу их вернуться к первому целинному году.

– Пожалуйста, – сказал улыбочивый Баландин, взглянул на Шмаргуна: дескать, помогай. – Я, значит, поехал в Барнаул за целинниками, а Кузьма Емельянович готовил для них квартиры. В нашей зоне палаток не ставили. Ну, что еще?.. Дали под новые земли технику, создали на целине ударную мощь. Вы знаете, берегу с той поры... – Михаил Петрович вынул из кармана пиджака блокнот с толстыми черными корками, положил его на стол для всеобщего обозрения. – В этом блокнотике кусочек истории. Вся арифметика тут, каждый год записывал. Вот о технике. – Он приблизил блокнот к глазам, полистал. – Самые точные цифры заносил сюда по горячим следам. Вот, пожалуйста, 1953 год. В зоне МТС насчитывалось всего четыре трактора ДТ-54, а в пятьдесят седьмом – уже 51. Сила? Еще какая по тем временам. Дэтэшник взял на себя главную работу на целине. Другие машины, наоборот, сходили, как СХТЗ.

К. Шмаргун: Подняли мы две с половиной тысячи гектаров. В первом же году урожай выдался.

М. Баландин: Одну минутку, скажем и про урожай пятьдесят четвертого... По двадцать центнеров.

К. Шмаргун: Редкостный хлеб был. Громко заявила о себе целина. А вот следующий год неудачей обернулся – сушь стояла.

М. Баландин: Могу сказать с точностью до сотых... по 4,84 ц взяли. Зато в следующем, в пятьдесят шестом, снова хороший хлеб уродился, по 18 ц.

К. Шмаргун: Слушай, Михаил Петрович, какую великолепную книжицу ты сохранил! А трудодень тогда потяжелел! – Кузьма Емельянович выжидательно посмотрел на Баландина и его книжицу.

М. Баландин: Одну минутку, Кузьма Емельянович, одну минутку. Вот: в пятьдесят четвертом продали государству 87 тыс. ц зерна. Доход – восемь миллионов рублей. А на трудодень вышло по двенадцать рублей.

К. Шмаргун: Во, правильно – по двенадцать. В газетах о нас писали. Повалили письма. Из разных концов – из Новгородской области, Вологодской, Горьковской. Нельзя ли в ваши целинные края на жительство приехать? Отчего же нельзя? Работящим людям всегда рады. Народу прибавилось. Вместе с новой техникой крепко силенок добавилось. Через пару лет мы уже собственными силами жатву провели. А вот эту цифру я и сам помню: в пятьдесят восьмом году выдали на трудодень по семнадцать рублей!

М. Баландин: Тогда государству продали уже сто восемнадцать тысяч центнеров зерна.

К. Шмаргун: Вот он, целинный хлеб! Да и то сказать надо, что кадрами механизаторскими Гилевка всегда славилась. Поскольку в нашем селе МТС располагалась, то вся база и весь рабочий народ тут находились. Когда встал вопрос о приобретении колхозами эмтэсовской техники, я сказал Михал Петровичу: собирай своих механизаторов – будем проводить разъяснительную работу, чтобы в колхоз переходили, оставались в родном селе. Представляете, какой базой, какими кадрами сразу обзавелся колхоз! Механизаторы – молодец к молодцу, любого бригадиром ставь. Да так и было, лучших назначали бригадирами.

М. Баландин: Даже не в бригадирстве дело. Просто хорошие, надежные механизаторы. Любого возьми. Вот хоть Василия Ильичева...

К. Шмаргун: Что ты мастер первой руки!

М. Баландин: С-80 доверяли ему, а таких тракторов в зоне было всего два. Важно было не только хорошо знать машину, прилежно ухаживать за ней. Еще важнее был настрой тракториста, его способность безотказно делать свое дело и в грязь весеннюю, и в крутоверть снежную – всегда, при любых обстоятельствах. Требовалась железная закладка...

...Ну как же, Василия Ивановича Ильичева и я немного знаю. Встречались. Однажды в его доме разговор, завязавшись, увел к тем далеким целинным годам. Анна Васильевна, его супруга, хлопотала в кухне у русской печи, но нет-нет да заглядывала к нам, чтобы вставить словечко. До сей поры Василий Ильичев легок и порывист, не поблекла его светлокудрая мужская красота.

- С-80, безусловно, махина, однако и я на силенку не жаловался. Это уже потом пришлось на автомашину пересаживаться, за шоферское дело браться. А тогда работал от звонка до звонка. Вот тут, прямо за шоссе, поднял 420 га. Еще в Зайково 400 га. Больше тысячи залежи вдвоем пахали...

- Послушать вас, Василий Иванович, так поднимали целину – будто на прогулку выходили.

- Да нет, с прогулкой не сравнишь.

Показалась в дверях Анна Васильевна с полотенцем через плечо.

- Вон спросите у нее, как она прогуливалась.

Анна Васильевна разругалась от печного жара.

- Я у Васи прицепщицей работала. Сейчас вспоминаем, смеемся, а тогда... Земля сырая да с соломой... набьется под рамой – плуг поднимается. А к браку мы непривычные. Вася сдает трактор назад, я сбиваю комья с соломой – то ногой, то как придется. Так умешься, что до вагончика еле ноги тащишь. А все же, – махнула она полотенцем, – хорошо жили, век не забуду!

Тот зеленый вагончик был передвижным полевым станом, и сейчас стоит возле тока. Из-за этого вагончика Анна, молодая жена, готова была домашнее хозяйство забросить. Василий поражался: не идет домой – хоть лопни. Ему-то нельзя, ему еще с машиной повозиться надо. А ей что? Бежала бы домой корову подоить. Но у молодой жены на все ответ был. Корову подоит свекровь, договорилась с ней. Другое что сделает сама, когда в поле управится. Сейчас же она ни за что не хочет уходить из вагончика. Тут вся жизнь, а не в пустом доме! Здесь вся молодежь, здесь веселье и озорство, серьезный подсчет вспаханных гектаров.

- Ну, леший с тобой, – сдался Василий. А потом уже и не настаивал. И мог ли Василий Ильичев подумать тогда, что лет эдак через пятнадцать уже он, первостатейный механизатор, будет работать «при ней» – знаменитой комбайнерше Анне Ильичевой, Герое Социалистического Труда? Уж так обернулась их совместная жизнь, начавшаяся на целине.

Во многие судьбы вошла целина. В конце 1953 г. вернулся в Гилевку моряк Анатолий Мирошкин. Что служил не где-нибудь, а на море, говорила гордо открытая тельняшка. Начал гражданку с должности кадровика в здешней МТС. Весной Баландин сказал ему: «Теперь наипервейшее твое дело встретить и разместить целинников».

- Будет сделано!

Одно слово – моряк. Не меньше целинников ждал он первую весну. Такие масштабные компании сваливаются не каждый год, так что преотлично чувствовал момент, его значение. Сам он был работником конторским, был, так сказать, не на земле, а около земли, но и сейчас помнит набухшее от снега и дождя темное небо, весна выдалась сытной, холодной.

- Помню одни стихи, – сказал Анатолий Михайлович и почти без паузы, чуть вскинув руку, напевно прочитал:

Весь май с погодой неполадки,

Сугробы кое-где целы.

А по околкам куропатки

Еще по-прежнему белы.

- Запали в душу, – пояснял Анатолий Михайлович. – Я же все это видел, сам хлюпал по грязи. А знаете, кто эти строки написал? Приезжал к нам на целину хороший поэт, впоследствии лауреат Государственной премии Александр Яшин. Узнавал жизнь не понаслышке, на ощупь узнавал целину, он работал на тракторе, даже в училище механизации занимался – и везде быстро с людьми сходилась. Ну и, конечно, стихи писал... дневник вел...

И еще одно свидетельство – дневники Александра Яшина.

«Опять сильный ветер с дождем. У меня за окном свист и вой... Часов в семь вечера пошел снег крупными хлопьями. Ну и весна сибирская! Дед Иван Винарьевич говорит, что лет восемь назад была такая же весна, выпал снег уже на большую зелень, на крупные хлебные всходы – и был великий урожай!.. За ночь выпал снег, земля белела, холодно... Тревожно не только из-за того, что сроки сева оттягиваются все больше, и осенью хлеб может не успеть вызреть, и что все посеянное придется подбороновывать заново, чтобы корку сломать, но еще и из-за того, что зерно сейчас в земле может сопреть до всхода, потому что холодно, и что придется все пересеивать заново... Были у Кабаненко – первая тракторная бригада. Весь день беспрерывно лил дождь. Работают только два гусеничных трактора. Пивоваров не накричал, чего я боялся, а говорил так: «Ну, давайте подумаем, что будем делать. А если дождь пойдет и завтра, и послезавтра?». Вечером с директором МТС Баландиным и с Михалевым ездили в 4-ую бригаду к Иванову: вручили бригаде переходящее Красное знамя МТС. Дела у них идут не очень хорошо, но они первые из двенадцати бригад... Здесь начали маневрировать тракторами и сеялками, перебрасывать их из бригады в бригаду, чтобы полностью загрузить их там, где есть фронт работы... Вечером я работал на тракторе ДТ-54 на культивации.

Сделал круг в 2,5 км в один конец: всего около 5,5 км. Значит, закультивировал несколько гектаров. Вернулся пыльный, довольный, вернулся уже ночью к 11.30. И здесь концерт Завьяловского Дома культуры... Забавное (по языку) выступление бригадира Щербакова: «В чем тут математика». Да во всем: выгодно, трудодень дороже... Главная математика – дисциплина. Мы в обществе, а не в одиночестве, и тут весь корень в дисциплине. Вырви этот корень – и вся математика дойдет в убытки?.. Вчера в бригаде Кириченко молодая девушка-колхозница, прицепщица Наташа, хотела погреть руки у трактора ЧТЗ-С-60, а концы ее платка попали в мотор, и ее убило... Девятое мая, праздник Победы, и опять потери...».

- Да, и такое было, – говорил Мирошкин. – Много было молодых, неопытных. По МТС строжайший приказ. А тот тракторист больше не стал на тракторе работать – не смог...

К осени 1954 г. Анатолия Михайловича перевели из Гилевки в соседнее Гонохово, там избрали секретарем парткома колхоза «Путь к коммунизму». Отсюда он самолично повез в «Зарю Алтая» договор на соревнование. Шутит: идем на вы! Понятно, что с «Зарей» тягаться – не щи хлебать, там самые-самые кадры, база ремонтная. Но и Гонохово не льком шито, и у него есть свои плюсы: земля получше, да и побольше ее почти в два раза. Правда, в 54-м гоноховцам не удалось собрать задуманный миллион пудов зерна, однако лозунга этого не снимали и в 1956 г. взяли-таки его, миллион-то. Денежный вес каждого трудодня возрос в одиннадцать раз.

Эти итоги были зримыми и ощутимыми. А тогда же происходил и скрытый от поверхностного взгляда процесс – своей идеей, своим порывом целина формировала энергию обновления, настоящего совершенствования, что в конечном счете и определило логику событий и характеров, агрономических исканий и развития личности. Целина как бы приглядывалась к каждому: на что способен, выдержишь ли новые нагрузки и масштабы? Целина расставляла силы.

Мирошкин, как и Василий Ильичев, не мог предположить, что через какое-то время ему поручат управлять отделением в новом совхозе и там он хорошо познакомится с Артуром Яковлевичем Эрнстом – секретарем парткома, потом снова вернется в Гонохово и станет здесь председателем, а Эрнст займет такой же пост двумя годами позже в Гилевке, и они уже соседями подадут друг другу руки. Но именно так все произошло. Что тогда наверняка знал Мирошкин? Надо учиться. Без специального образования «дальше делать нечего». Сначала одолел сельхозтехникум, потом, тоже заочно, – институт. И еще одно близкое знакомство той поры – агротехнический курс штурмовал вместе с Василием Семеновичем Севостьяновым.

Они в общем-то неплохо знали друг друга и раньше. Севостьянов заслуживал у Мирошкина уважение уже только за то, что тот испытал испепеляющий огонь знаменитой Курской дуги – выдержал, остался жив, а после войны еще десяток лет служил в армии политработником.

В родных краях после демобилизации Севостьянова зачислили в аппарат райкома партии инструктором. Позже избрали секретарем парткома совхоза, колхоза. Сельский он человек, из семьи, кажется, пимоката, но на земле, кроме огорода, работать ему не доводилось. Земледельческими познаниями не блистал, однако делать замечания земледельцам позволял себе, из добрых побуждений, разумеется, но, оказывалось, не всегда к месту.

- Рановато начинаете сеять, – сказал однажды бригадиру.

А тот уже не один десяток лет на земле. Удивился:

- Ну, секретарь, ты даешь. Земля-то подоспела, смотри... – И взял бригадир пригоршню земли и, не обижая, прочитал коротенькую лекцию.

После таких случаев Севостьянов краснел. Но слово не воробей... И тем не менее его тянуло к мудрым землепашцам, симпатизировал и завидовал их основательности.

Из письма В.С. Севостьянова: «Жизнь убедила меня, что сельский партийный работник обязан знать все тонкости земледельческого труда. Я поступил в Славгородский техникум на заочное отделение. Учиться в сорок лет нелегко. Чем больше мне приходилось познавать тонкости земледелия, тем сильнее увлекал меня хлеборобский труд, тянуло к людям, работающим на земле-кормилице. Еще будучи партийным работником, я твердо решил остаток своей жизни посвятить хлеборобской профессии, самой благородной и мирной. При Кузьме Емельяновиче Шмаргуне я закончил техникум, при нем же целых пять лет проработал агрономом. А Шмаргуну пришло время на пенсию уходить. Старик собирался мне вверить судьбу колхоза, которому отдал 26 лет. Я ответил отказом. Кузьма

Емельянович перестал со мной здороваться, большая обида засела в его душе. Как обиженно он говорил: «Василий, Василий, я надеялся на тебя, а ты крепко подвел меня!» Но что я мог поделать? Нет у меня призвания к административной работе. О другом думал я. Тут как раз проявила себя ветровая эрозия. Можно ли одолеть ее? – Вот что волновало меня тогда. Чисто агротехнический вопрос встал передо мной во всей полноте и сложности...».

Быстрый да острый взгляд у Шмаргуна. На расстоянии улавливал, кто чем дышит. Улыбку вызывала у него привычка Севостьянова, разговаривая с кем-либо, держать «руки по швам». Дисциплину просил соблюдать. Потом, как-то само собой, «руки по швам» отпали, а приверженность к порядку осталась. Своеобразно сказала она, догадывался Шмаргун, и в том, что Севостьянов решил проштудировать агрономический курс. Но не потому, что тогда многие подавали заявления в техникумы и вузы. Не такого Севостьянов склада, чтобы гоняться за модой. Беседы-разговоры накоротке кое-что приоткрывали проныцательному Шмаргуну. А дело было вот в чем. Техникум – это специальность. Профессия агронома завладела думами Севостьянова. Теперь он – и он уже твердо знал это не сойдет с земли, хоть небеса разверзлись. Диплом агронома устранил некую появившуюся в последние годы неопределенность в личной жизни и установит в ней порядок. Милый его сердцу порядок. И тут возникло у Шмаргуна вполне законное соображение: знания, пристрастие к порядку, умение размышлять и анализировать, что еще надо для председателя колхоза? Может быть, что-то надо еще, но и этого достаточно. А что потребуется – наживет со временем. И вот однажды, когда Севостьянов еще руководил совхозным парткомом и учился в техникуме, а партийным секретарем тогда работали на одном месте только два года, дальновидный Шмаргун попросился на прием к секретарю райкома партии Жильникову.

- Петр Акимович... как там ни говори, а пенсия моя уже близко маячит. Время думать о кандидатуре взамен меня.

- Есть предложение?

- Севостьянов.

Что знал о том разговоре Севостьянов? Только то, что ему предлагают место агронома в «Заре». Шмаргун поторапливал: пока состоится перевыборное собрание, перевози в Гилевку капусту и прочие соленья – машина на ходу.

А когда через несколько лет наступил момент, сказал:

- Василий, становись на мое место.

Севостьянов отказывался и раз, и два, и три. Шмаргун не ожидал такого упрямства, сердился:

- Ты что, шутки шутить с колхозом?

Даже грозному предостережению не поддался Севостьянов. Тогда Шмаргун позвал начальника райсельхозуправления, секретаря колхозного парткома и без предупреждения заявился с такой подмогой в дом Севостьянова. Василий Серафимович попросил Марию Ивановну, супругу, стол накрыть для дорогих гостей, сразу, еще до начала разговора, решив для себя, что он скажет.

И вот что он сказал с улыбочкой, не оставлявшей сомнения в его твердости:

- Если хотите, чтобы я остался в колхозе и районе, не трогайте меня с моего места, я столько лет шел к нему, не невольте меня.

Прощались гости привычным рукопожатием. Не подал руки Шмаргун.

Кто знает, каким председателем был бы Севостьянов, возможно, Шмаргун не ошибался. Но не ошибся и сам Севостьянов – он стал настоящим агрономом, каковым и хотел быть. Наверное, только с нетерпеливым желанием и интересом, словно каждый новый день обещает нечто новое, и можно выходить на работу в поле, вообще делать свое дело.

Из письма В.С. Севостьянова: «Мне, агроному, связавшему с землей свою жизнь и нашедшему в ней неиссякаемый источник познания и высшего удовлетворения, хочется сказать, что целина продолжается. Нашему поколению выпала большая честь улучшить, повысить урожайную силу наших земель. И должен сказать, что хлеборобы колхоза как бы обновили их, внедрив почвозащитную систему земледелия. Преимущества почвозащитного комплекса налицо. Если в седьмой пятилетке, то есть до применения комплекса, урожайность зерновых составляла по колхозу 9,4 центнера с гектара, то в восьмой, когда началось его освоение, – 11,2 центнера. В девятой пятилетке прирост урожайности на каждом гектаре составил еще семь центнеров, и было получено по 18,2 центнера. За четыре года десятой пятилетки урожайность поднялась еще на 3,3 центнера. Растет урожайность не только зерновых, но всех сельскохозяйственных культур.

На бывших старопахотных и целинных землях сейчас применяется во имя богатого урожая целый комплекс влагонакопительных мероприятий: стерня зерновых, лесополосы, кулисы на паровых полях, снегозадержание механическим путем в два следа и на всей площади пашни, задержание талых вод, прикрытие влаги в четыре-пять следов. Освоены севообороты с короткой ротацией и чистым паром. Неуклонному росту урожайности, валовых сборов зерна способствует рациональная, экономически обоснованная структура посевных площадей. Сейчас в структуре пашни зерновые занимают 60%, кормовые – 20, технические – 5 и пар – 15%. Заботимся о непрерывном повышении плодородия почвы – все больше и больше вносим органических и минеральных удобрений. Ежегодно гилевская земля получает по 20-22 тыс. т перегноя, по 2,4 т на гектар пашни. В годы освоения целины, по рассказам, минеральные удобрения практически не вносились, а сейчас наша земля получает по 17-18 тыс. ц туков. Значительно улучшилось семеноводство зерновых и других культур – семена только первого класса. Распашка целины – это первый этап. Теперь надо всячески повышать плодородие почвы. Целина на первых порах одарила нас хорошим урожаем, теперь мы обязаны помочь ей. Полагаю так: негоже агроному кивать на стихии – они всегда были и будут. Агроном должен максимально противостоять им, не поддаваться...».

Его задача исходила из стратегического курса алтайской агрономии. Он был одним из тех, кто без раскачки, твердо шел намеченным путем. И с болью в сердце осознал однажды Мирошкин, что гоноховская агрономическая служба не выдерживает сравнения с гилевской, с севостьяновскими принципами.

По рассказам дедов знал Анатолий Михайлович, что гоноховцы и гилевцы еще и до войны соревновались колхозами, помогали друг другу. Так продолжалось и при Мирошкине. Когда-то он сам отвез в «Зарю» договор на соревнование. Теперь решил навести порядок в своей агрономической службе. Исподволь, как и дальновидный Шмаргун в свое время, готовил главного агронома... из шофера. Водитель Виктор Дерр заочно учился в сельскохозяйственном институте, часто заезжал на гилевские поля, встречался с Севостьяновым, раскусил его суть, выразив ее одним словом: аккуратность. У Севостьянова все разложено по полочкам – тот самый педантизм, без которого хорошего хлеба не видать. И став уже главным агрономом, Виктор Дерр не раз убеждался, сколь последователен, терпелив и выдержан Севостьянов, когда дело касается неукоснительного соблюдения технологии.

Каждое утро в посевную 1975 г. Мирошкин и Эрнст начинали с телефонных звонков.

- Здравствуй, братка! Как спалось?

- Не говори, братушка, весь изворочался. Что делать дальше?

Оба не могут припомнить, кто первый назвал другого братушкой, но понравилось это теплое, родственное слово, прижилось оно в обиходе. Даже в самых критических ситуациях не обходятся без него. С ним откровеннее разговор получается.

Критическая ситуация сложилась весной 75-го. Дождь сеял не утихая. Черная раскисшая земля забивала диски сеялок, зерно не попадало в борозду. А по срокам сев уже пора кончать.

- Что скажу, Артур Яковлевич. Мои соседи вчера, сам видел, поснимали диски и...

- Да ты что!

- Сам, говорю, видел. Ум наперекосяк идет, братка.

- Анатолий Михайлович, слушай-ка... ты слышишь меня? Севостьянов вот рядом со мной: выдержка, говорит, и еще раз выдержка, не упрощать технологии!.. Слушай, братушка, — подбадривал Артур Яковлевич. — я же знаю: морская душа — она же крепкая...

Позже всех отсеялись они и больше всех взяли хлеба.

Как-то я сказал Анатолию Михайловичу, что накануне виделся с Севостьяновым, что о теперешней агрономической службе в Гонохово он мнения весьма высокого, а Дерра считает агрономом серьезным, мыслящим, даже так сказал: «Кое-чему учусь у него». Например, «взял» у Дерра однострочные кулисы — они лучше трехстрочных работают на влагонакопление. Привлекателен опыт Дерра по посеву кукурузы по стерне сеялками СЗС-9. Но только в «Заре Алтая», переняв этот опыт, пошли дальше, приладили к сеялке аппарат для одновременного высева туков.

- Знаю, что дальше пошли! — сказал Мирошкин. — Они вот пошли, а мы, хотя и первыми начали, дальше не пошли. Почему?

У гилевцев, оказывается, выше стартовая скорость. Быстро могут организоваться. Умеют, ничего не скажешь. Крутанут — и есть дело. В Гонохово же наблюдается элемент раскачки. Всем ясно, что туковывсевающий аппарат — интересное продолжение, но только теперь, потеряв год, поставили его. А из-за задержки недобрали по сравнению с «Зарей» по сотне центнеров кукурузы на гектаре. Так что не в одной агротехнике смысл. Речь еще и об оперативности, умении управлять. Сколько лет просили у гилевцев комбайнеров в конце жатвы, сами не успевали, обманывались в расчетах. А честнее сказать, скупилась на покупку дополнительных комбайнов. Но вот, наконец, прикупили несколько «степных кораблей», снизили нагрузку и без буксира завершили жатву.

- Соревнование у нас не формальное, хорошо помогаем друг другу, а главное — от чистого сердца. Но надо и признать: недостает нам при подведении итогов глубокого анализа, сравнения не цифр, а опыта. Почему бы на подведение итогов в земледелии не пригласить Севостьянова Василия Серафимовича? Уже в ином бы плане пошел разговор! Так ведь? Соревнование, оно тоже должно совершенствоваться.

Зазвонил телефон. Анатолий Михайлович снял трубку.

- Еще раз здравствуй, братушка... Конечно! Делегацией нагрянем, готовы почетные места... Сколько будет? Сейчас в список загляну.

В тот вечер в «Заре Алтая» намечалось торжество. Колхозу вручали высокую награду — переходящее Красное знамя ЦК партии и правительства.

- Второй год подряд, — уточнил Анатолий Михайлович. — Молодцы гилевцы.

Да-с, соревноваться с «Зарей» — не щи хлебать. Однако и гоноховцы далеко ушли со времен целины. Урожайность увеличена вдвое.

Под мартовским солнцем колхозные поля бугрились снежными валами.

- Как беспокойное море, — сказал бы бывший моряк Мирошкин.

Из письма В.С. Севостьянова: «Улучшать целинные земли, повышать урожайность полей, суметь собрать урожай — это большая работа, она вбирает много опыта, служит школой для начинающих земледельцев, помогает открывать в людях новые грани характеров. Так что высокая культура труда — основа успеха наших земледельцев. Механизатор постоянно воспитывается (на курсах переподготовки, на семинарах, собраниях, в беседах, на коротких пятиминутках в бригаде) в том духе, что он и только он является непосредственным проводником и исполнителем агротехнических правил, что культура по-

ля в решающей степени зависит от его профессиональной подготовки и старания. В своей статье «Культура земледельца и культура поля» академик В. Д. Панников пишет так: «Там, где механизатор больше походит на «механизированного извозчика», чем на грамотного земледельца, нечего ждать высоких урожаев ни в хорошие, ни в плохие годы».

Верно сказано! В нашем колхозе сейчас уже отпала необходимость бегать по полям по 14-16 часов, чтобы лично проверять работу каждого механизатора. Скажу без преувеличения: пятьдесят процентов механизаторов не нуждаются в постоянном контроле. Мы уверены, что днем и ночью они сделают свое дело только на совесть. Возьмите нашу Аннушку – Анну Васильевну Ильичеву, Героя Социалистического Труда, делегата 25 съезда партии, нашего передового комбайнера, за четыре года этой пятилетки намолотившую 36331 центнер зерна...».

По-разному приходят люди к своей главной профессии. У одних все складывается четко и ясно: школа – училище или институт, а затем любимое дело. Другие годами нащупывают свой путь.

- Многие сельские профессии знакомы мне, кем только ни работала, – говорит Ильичева. – Но главной для себя считаю механизаторскую, хотя пришла к ней уже не молодой.

Как и другим девочкам, ей тоже доводилось «садиться за технику». В годы Великой Отечественной войны подменяла тракториста. Но мечты о механизаторской профессии еще не было. Все же какой-то интерес остался, и не вообще к технике, и не к трактору даже, а к комбайну, потому что из всех полевых работ ей больше всего приходилась по душе жатва, сбор урожая. Однажды в большой хлеб попросила она Ивана Анищенко, доброго человека и отличного механизатора:

- Филиппыч, дай встать к штурвалу.

- Гляди-ка! – Анищенко одобрил такое желание и просьбу уважил, не каждый мужчина подходит к комбайну с таким-то интересом.

Но штурвал не слушался ее.

- Погоди-ка, Аннушка, – отстранил Анищенко Ильичеву легонько, – не ровен час...

Анна закусил губу.

- Коли так, – жалел он ее, – учиться надо практиковаться.

У кого практиковаться, где, когда? Кто даст свой комбайн, когда время жатвы так дорого? Ничего серьезного в тот раз не получилось. Так и жила она где-то на далеких подступах к новой профессии. Лишь к концу шестидесятых годов (тогда и женщин стали приглашать на механизаторские курсы) Ильичева почувствовала, как на удивление просто может осуществиться ее желание: подать заявление и сесть за парту. Ее путь к механизаторской профессии пролегал по общему пути, но уже тогда обозначилось своеобразие ее характера. Вот как вспоминает об этом Василий Серафимович Севостьянов, проводивший в филиале училища механизации занятия:

- Я вел агротехнику, курс серьезный, с наскока не возьмешь. Все занимались хорошо. Аннушка не то что выделялась, а как-то уж очень по-своему училась – с прилежностью уже пожилого человека. Многих удивила она тогда: «И что это ты, Анна, взялась-то, поди, не двадцать лет тебе?». А она в ответ: «Хочу». И я понимал ее. Наступает у человека такой момент в жизни, когда устремленность словно поднимает его надо всем. И пусть он к цели идет нелегко, но зато упорно, со всей силой своего желания. Иначе он не может!.. Иногда Аннушка запиналась при ответах, отчего сильно волновалась, после занятий обязательно подходила: вот как я понимаю этот вопрос, вот о чем я хотела сказать. Она хотела полных и точных знаний. Она и дома требовала: «Давай-ка, Василий Иванович, разъясняй». Знал я Аннушку и раньше, но только в дни учебы почувствовал, как обостренно проявляется ее характер. Словом, могу засвидетельствовать: Анна Ильичева очень серьезно готовилась к самостоятельной работе на машине. Когда говорят об опыте

передового механизатора, почему-то не придают значения этой поре его жизни – поре учебы, становления. Ведь это тоже опыт: как человек «приходит» к профессии, как начинает.

Начинала она под руководством наставника Михаила Хаблака. Рассказывал он много, но не опекал на каждом шагу: «Сама сразу почувствуй ответственность». Как-то он похвалил ее самому председателю колхоза. Похвала наставника упрочила в ней уверенность. Она не считала, что все уже освоила, все умеет, но в какие-то моменты уверенность перерастала в самоуверенность. Так лихо однажды развернула комбайн, что Севостьянов погрозил пальцем: осторожнее! Она – что там говорить – тоже напугалась, сердце остановилось. А это «осторожнее!» занозой вонзилось в сознание. На следующий год, когда работала уже самостоятельно, беда все-таки подкралась. Не заметила, как открылся люк выгрузки шнека и за комбайном потянулась лента зерна. Ильичева в общем-то праздновала победу – намолотила зерна вровень со многими комбайнерами, даже поехала помогать соседней бригаде. И там-то у всех на глазах такой позор.

Тамошний бригадир, вконец рассерженный, места не находил себе.

– Это кто же к нам приехал? Я спрашиваю – кто? Помощнички. Я бы этих помощников!..

Ильичева пыталась защищаться:

– Поймите вы, не нарочно я!

– Еще бы этого не хватало! Нет, вы посмотрите, – обратился бригадир к подъехавшим председателю и главному агроному и чуть ли не с удовольствием показал им ленту зерна, потом снова обрушился на Ильичеву. – С такими горе-комбайнерами мы не то что... а даже!.. – Он не находил слов. Знать бы ему в ту минуту, что в скором времени он изменит свое мнение об этой женщине.

А что же Анна Васильевна? Оказавшись в столь критической ситуации, она чувствовала, что все в ней натянуто, точно пружина, но она уже знала, надо не оправдываться, а делом доказать, что это – случайность, что нет здесь легкомыслия или недобросовестности. Хотя, как говорится, и не так уж грех был велик, и в бригадирском разносе было больше крика, нежели делового упрека.

Наверное, так же думал и председатель колхоза.

– Верим тебе, Аннушка. Тут обидный недосмотр. Наказывать не будем. Надеемся, сама подумаешь и сделаешь выводы.

Артур Яковлевич хорошо знал Ильичеву. Она непременно подумает и сделает выводы.

– Знаешь, Вася, – говорила Анна Васильевна мужу после смены, – весь день так тянет, так тянет душу...

Василий успокаивал:

– Да ладно тебе. С кем не бывает?

– Да разве легче мне от того, что это бывает и с кем-то другим тоже?

А сама думала: значит, что-то еще не уяснила, чего-то не знает. Вспомнились слова главного агронома о том, что у комбайнеров по почерку работы, по отношению к машине можно отличить высшую квалификацию от средней. Высочайшее мастерство хлебороба – это не только отличное знание машины, безукоризненное соблюдение правил агротехники. Это еще и совесть. И точка зрения. И, как в этом случае, внимательность, бдительность, если хотите. Если рабочая бдительность настроена на верный тон, то человек многое предусмотрит, не позволит себе оплошать, сорваться, опуститься до брака. А она в прошлый раз непростительно лихо сорвалась, так развернула комбайн, что ее встревожено остановили: осторожнее! И пусть председатель не беспокоится – она сделала для себя выводы, поняла: бывают не только такие уроки, на которых «железки» изучают, есть еще уроки рабочей совести, без нее нет настоящего мастера своего дела.

Уясняя на личном опыте наставления старших, она жила теперь окрыляющим ощущением того, что нечто важное приобрела для себя с той поры, переступила ту черту, за которой мудрость опыта накапливалась, пусть даже и после горьких уроков.

А кому-то не было дела до ее раздумий, внутренних переживаний. Как-то съехидничали за спиной:

- Вот помощнички едут, язвы их!

Это в ее, Аннушкин огород, камушек. И что человеку надо? Зачем насмехается над ошибкой другого? Как это понять?

- А тут и понимать нечего, – сказал Анищенко в час пересмены.

На полевом стане он частенько подходил к Ильичевой и помогал то советом, то делом – подготовить комбайн к следующему выходу в поле, и она не таила от него своих мыслей.

- Сбрехнул человек – что с него возьмешь? А может быть, и зависть заиграла.

- Чему завидовать-то? – прислушалась Анна Васильевна.

- Ну как чему? Ты начинаешь намолачивать побольше некоторых, даже, я бы сказал, многих. Вот кое-кому и не по вкусу, что женщина обходит, – задевает за печенки. Но ты, Аннушка, не обращай внимания и делай свое дело – оно честное и благородное, всеми людьми уважаемое.

В том же духе сказал ей и Василий:

- Ты у меня многим сто очков вперед дашь.

- Лишнего не говори.

- Говорю, что вижу. Как вместе с тобой стали убирать, подумал: пораньше бы тебе за это дело взяться.

Он отвозил зерно от ее комбайна и стал первым ее помощником. Без него не было бы и семейного агрегата. В этом маленьком коллективе, состоявшем из двух человек, царило полное равноправие. И все же, когда обмолот достигал наивысшего накала, когда работа шла на одном дыхании и потеря нескольких минут осознавалась как невосполнимая утрата, тогда первой слово негласно переходило к Анне Васильевне.

- Долго ездил. Бункер уже полный.

- Ань, одним ходом крутанулся.

- Знаю. Но комбайн стоит.

- Да сколько стоит-то!

Иной раз она говорила:

- Сухая ночь, часов до четырех поработаем.

- Вполне можно, – соглашался он, в самом деле готовый хоть до семи утра не уходить с поля.

Они, Ильичевы, прекрасно чувствовали преимущество семейного агрегата – выигрывали время!

Время Ильичевой на жатве. Слышать об этом доводилось часто.

Анищенко рассказывал:

- Приезжаем на стан в семь утра. И она, Аннушка, приезжает тоже. Только мы из села, а она с поля. Разница. Мы уже отдохнули немного, а она... Но тут у нас сомнение закралось: а не проспала ли она до утра прямо в полосе? Ничего особенного – утомилась и задремала, с каждым может случиться. Когда заехали в поле, то прежде всего проверили – оправдается ли наша догадка. Мы вынуждены были признать: чтобы такую площадь убирать, о сне и помышлять нечего. В обед бригадир подвел итог за сутки. Мы намолотили по пятьсот центнеров зерна, она – почти девятьсот. Вот такие дела. Было время, она у меня училась (и сейчас совета спрашивает), это верно, но верно и другое: чтобы угнаться за ней, надо обороты прибавить.

До семи утра – случай редкий. А вот до двух-четырех ночи, если погода сухая, – как правило, это ее закон. Кто-то уже в двенадцать, в час ночи уехал с поля, а она:

- Вася, давай еще кружок-другой...

В одну из таких ночей к агрегату подъехал бывший тогда секретарем колхозного парткома Геннадий Дмитриевич Баяндин. Как раз выгружали зерно. Василий Иванович разравнивал его в кузове.

- Доброй ночи, – отозвался он на приветствие.

- Не вижу Анны Васильевны.

- Да в кабине она. Привез ей вечернего молочка, пусть подкрепитесь – освежится...

Баяндин поднялся к кабине... Прислонившись к стене, сложа руки на груди, Аннушка дремала, у ног стояла непочатая бутылка молока.

Но зыбким был ее сон. Встрепенувшись, она улыбнулась, как бы прося извинения.

- Надо отдохнуть, Анна Васильевна.

- Еще круга два сделаем.

- И все-таки, Анна Васильевна?

- Вот и вы про то же. Конечно, целый год так работать нельзя. А месяц – можно. Я могу. Так надо ли меня отговаривать! – Еще и пошутила: – Сюда бы полных женщин, через месяц фигурка была бы – будь здоров! Так что и с этой стороны, Геннадий Дмитриевич, тоже есть смысл. А если всерьез, то жатва есть жатва, что там говорить! Уплотняться надо, чтобы хлеб не оставить под снег.

- Да не было у нас еще такого!

- И не дай бог.

Фары выхватывали из тьмы ленту валка, она казалась бесконечной, словно сама плыла в широкий зев подборщика.

- Опять!

Анна Васильевна остановила комбайн. Сошла на стерню. Трудный был хлеб. Пшеница рослая, длинностебельная, полегла она от непогоды, да не в одну сторону, а кругами, колосьями в центр – такое лихо! «Чертовыми кругами» прозвали эти места. Косари тут хватили горюшка, и на обмолоте тоже не легче. Как «чертов круг», так утолщенный валок, хотя знала Анна Васильевна по рассказам механизаторов: жатки здесь захватывали хлеб не всей своей шестиметровой шириной. Утолщенный, точно вздутый, валок походил на копешку. Анна Васильевна терпеливо перебирала ее, чтобы валок получался ровной толщины, и снова поднималась в кабину.

Испокон веку механизаторское дело было мужским. Но происходит чудо, если дело становится для женщины главным в жизни.

Скупой на похвалу первоклассный механизатор Анатолий Мазной сказал:

- Иным мужичкам не мешало бы у Анны поучиться.

Чему учиться? Вождению машины? Уборке урожая?

Да нет, не то. В «Заре Алтая» есть асы комбайновой уборки, такие знатоки механизаторского ремесла, что Ильичева и сейчас спрашивает у них совета. Другое имеет в виду хлебороб А. Мазной.

- Упорна она, вынослива.

- Одержима, – дополняет председатель колхоза.

А главный агроном как бы точку ставит:

- Сила духа – вот главный фактор! – Он попросил меня. – Если будете о ней писать, то вот это обязательно подчеркните – сила духа, это ее изюминка.

Ее бригада впервые применила посев зерновых с кулисами.

Хлеб удался на славу («колосиче в ладонь»). Радовались, пока не начали убирать. Места между кулисами мало, не развернешься, и косари уложили хлеб в сдвоенный валок. Что это был за валок – подобраться к нему страшно. Механизатор, которому бригадир по-

ручил убирать тут хлеб, не рискнул заехать в загонку, явно слукавил: дескать, комбайн забарахлил, не могу.

- Психологический момент! – рассказывал позже бригадир Никита Васильевич Дергилев, Герой Социалистического Труда. – Можно бы проверить, доказать, что не в комбайне дело. Но можно воспользоваться более сильным средством: найти замену, заменить не кем-нибудь, а именно Анной Ильичевой.

Она безотказно приняла распоряжение бригадира. Но так трудно ей еще не приходилось. Комбайн захлебывался толстенным валком. Тогда Ильичева изменила тактику. Брала его не спеша, рывком, с остановками, чтобы комбайн мог справиться с порциями, «съедать» ленту по частям. А в некоторых местах пришлось покидать кабину и вручную разбирать валок, чтобы потоньше стал. Василий помогал.

Приехал главный агроном, недовольно спросил бригадира: почему сюда направил именно Ильичеву?

- Знаешь, Василий Серафимович, в соревновании, если оно настоящее, все равны, для всех одинаковы условия. Да, случилось так, что эта трудная полоса досталась Анне. Но она и слова не сказала, и дело сделала. А тот, что слукавил и отказался... видишь, сидит с опущенной головой. Стыдно. Пусть посоображает, что есть что.

На пятиминутке бригадир сказал, какую трудную работу выполнила Ильичева. Не механизаторам объяснять. И оттого, что сказал он об этом просто, без похвалы, его короткая речь произвела впечатление. Каждый понял: передовик еще раз доказал, что он имеет право именоваться таковым.

Сама Ильичева иначе прокомментировала тот случай:

- Человек проявил слабость. У кого их нет, слабостей-то! У меня – так пруд пруди. Все время надоедаю председателю и секретарю парткома: сколько намолачивают женщины в других районах? Успеха всем желаю, а все же хуже других не хочется выглядеть. Это уж чисто по-женски. В соревновании не робеем.

Скромно сказано: не робеем. Несколько раз Ильичева завоевывала премию имени Бахолдиной. Однажды удостоилась «мужской» премии – имени Пятницы. Собственно, не только она, а все звено, которое ей доверили возглавлять.

Слава – шумная, яркая и от человеческой признательности, и от киносьемочных прожекторов – свалилась на нее. Легко поддаться соблазну покуражиться в ослепительных лучах славы, к тому же, наверное, нашелся бы желающий потрафить человеческим слабостям знаменитого земляка. А она не давала повода для этого, будто ничего особенного в ее жизни и не произошло. Но ведь произошло! И не могло не произойти, потому что Герой – это работающий человек. Как Анна Ильичева. Ее высокие намолоты – это даже не столько профессиональное мастерство, сколько вершина активности, то состояние внутреннего настроя, которое создается не скоротечным сезоном жатвы, а годами, временем.

Нет в деревне дела, которого не умела бы делать Ильичева. Она убирает хлеб, доит коров, ухаживает за посевами сахарной свеклы, стрижет овец и т.д. Ее руки в любое время года заняты делом, крайне нужным колхозу. Она не искала и не ищет выигрышной работы, потому что не умела и не умеет жить напоказ. Она страстно желала одного – убирать хлеб, жить дыханием жатвы, усталой, но довольной встречать утренние зори на рабочей полосе.

А еще она умеет печь хлебы. Я зашел в дом Ильичевых, когда хозяйка хлопотала возле русской печи. В цветастом платье и светлом переднике, покрасневшая от печного жара, сероглазая и улыбчивая, вдруг напомнила картины Архипова – сочные, яркие, брызжащие светом и здоровьем. Пока хлебы пеклись, текла беседа. Задал я ей и такой вопрос: как она понимает рабочую славу, что это такое? Анна Васильевна тронулась передником до уголков рта, пожала плечами:

- Одно скажу: без работы никакой славы не будет. Работать надо.

Потом достала из печи запашистые хлебы. И какие! Надавишь на буханку — она сожмется в лепешку, отведешь руку — пружинно поднимается. Чудо-хлеб! Попробуешь раз — навсегда запомнишь. Румяным буханкам, накрытым полотенцами, следовало по всем правилам хлебопечения отлежаться, поэтому Анна Васильевна предложила пирожки — крупные и словно воздушные. В трех чашках стояли они частоколом. Куда столько? Вскоре все выяснилось. Зашла сестра Анны Васильевны.

- Стряпашь? Слышу — дух хлебный по улице.

- Мимо фермы пойдешь, — сказала Анна Васильевна, — занеси девочкам чашку пирогов.

- Да они из дому только!

- Чужие вкуснее. Неси, не разговаривай.

И в этой малости — ее душа.

Василий Ильичев, склонный к обобщениям, сказал:

- Искренность в работе — вот что нужно. Всяких я видывал и знаю, что это точно так. Но по просьбе искренность не введешь: давайте, мол, милые мои, будем искренними. Чепуха. Человека надо ставить в такие условия, чтобы он учился искренности.

- Что это за наука, Василий Иванович?

- Это называется наукой жизни и труда. Вот пример: «общий котел». Я от всех зерно отвозил. Один честно, до зернышка высыпает бункер, другой центнера три попридержит, есть на то хитрые способы, шоферский глаз, да если он еще не опытный, может и не заметить. Будь моя воля, я особо тянул бы к «общему котлу» молодежь. Совместная работа — не значит общая поблажка. Наоборот: жесточайшее требование. Теряешь на кураве время... Ты, Анна Васильевна, подожди, не встречай... — Когда Василий Иванович соглашался с женой, возражал ей, он называл ее по имени-отчеству. — Это все твоя бабья жалость, знаю ее. А нужна дисциплина. Ты знаешь, что такое минута? Знаешь, сколько чего выходит в СССР за минуту?..

То-то и оно. Иной думает: раз-два — и готов. А ты прежде в поле до пота поработай...

Короче: много чего сделано вокруг. И понастроили изрядно. И поля теперь — как картинки. Чистые. Ухоженные. Если между полями дорога — то уж будьте любезны — очерчена по линейке. Порядок есть порядок.

Оттого и урожай. В любой год. Но не может Василий Ильич закрывать глаза на то, что делается еще не так, с попустительством или недосмотром. Только не надо закрывать глаза на все это! Иначе как же шагать дальше?

Из письма В.С. Севостьянова. «Что волнует меня как агронома? Проблемы дальнейшего повышения культуры земледелия. Во-первых, темпы роста урожайности зерновых не отвечают требованиям нашей партии по увеличению валовых сборов зерна. Для того, чтобы ежегодно собирать 150 тысяч центнеров, нам надо со всей настойчивостью добиваться среднегодовых урожаев по 24-25 ц/га. Что для этого нужно? Наше хозяйство не имеет в необходимых размерах чистых паров, вследствие чего схема севооборотов зачастую не увязывается с принятой специализацией. Для семеноводческого хозяйства удельный вес паров в пашне должен быть 18-20 процентов. Паровое поле должно рассматриваться как средство не только накопления влаги, но повышения содержания в ней азота... Теперь уже всем ясно, что в современных условиях главным резервом повышения урожайности зерновых, кормовых и технических культур является более широкое применение удобрений. Размер урожая определяется материальными источниками. Чтобы поднять урожайность на более высокую ступень (в ближайшей перспективе по 25 центнеров с гектара), надо значительно увеличить в нашем колхозе материальные источники, его формирующие. Надо признать: пока получаем и вносим в почву небольшое количество мине-

ральных туков. Наша мечта получить на гектар посева зерновых по 60 кг азота и 60 кг фосфора. В целях более эффективного использования минеральных удобрений под зерновые и кормовые культуры надо нам смелее идти на широкое применение локального способа, когда удобрения заделывают глубже семян. Наши опыты по локальному способу внесения удобрений под пшеницу, кукурузу показывают высокую эффективность этого способа в повышении урожайности и увеличении валовых сборов зерна и кормов. За локальным способом внесения удобрений большое будущее. Дело теперь за специальными сеялками.

Мы, хлеборобы, с болью смотрим на потери зерна в уборочную страду. Особенно большие потери допускаются при косовице зерновых в период, когда хлеб поник или полег. Недостает жаток. Для семеноводческого хозяйства надо довести нагрузку на один комбайн до 120-130 гектаров, а на косовице – до 150-170 гектаров. Опыт передовых хозяйств страны показывает, что для своевременного проведения косовицы необходимо иметь 30-40 процентов прицепных и 60-70 процентов навесных жаток. Радует нас то, что начали поступать прицепные жатки.

Я как агроном чувствую неудовлетворенность тем, что вот уже более двадцати лет мы работаем с одним и тем же сортом пшеницы Саратовская 29. Достоинств у этого сорта много, но есть и недостатки. Нам нужны новые, более высокоурожайные, засухоустойчивые и неполегающие сорта пшеницы с высокими хлебопекарными качествами. Отрадно заметить, что добрыми сортами в степи стали овес Астор, ячмень Черниговский 7, гречиха Шатиловская 5. Посев этих и других продуктовых сортов расширяем, что даст возможность уже в будущем году поднять урожайность на 2-3 центнера.

Наше хозяйство является семеноводческим, однако материальная база не отвечает его специфике. Устарели зерноочистительные машины, у них очень низкая производительность. Вести семеноводство без сушильного хозяйства – большой риск, к сожалению, приобрести хорошую и высокопроизводительную сушилку – целая проблема.

Мы сегодня говорим в полный голос о значении плоскорезной обработки почвы. Но нам нужна не всякая обработка, а такая, которая обеспечивает максимальное сохранение стерни. Хлеборобы нашего колхоза не удовлетворены работой плоскорезов марки КППГ-250 и КППГ-2-250. Дело в том, что они уничтожают много стерни, обработанная поверхность получается невыровненной, после прохода такого плоскореза остаются большие глыбы земли, и большое количество влаги испаряется.

Мы сейчас переходим на плоскорезы КПШ-9, КППГ-2,2. Такие плоскорезы наиболее полно соответствуют почвозащитной системе земледелия и дают возможность получать устойчивые урожаи зерновых и других культур. Но новых плоскорезов пока очень мало...

Такие вот дела. Надо, чтобы промышленность побыстрее поставляла нам лучшие машины. А мы свои заботы отлично понимаем. Урожайная сила алтайского поля – в трудолюбии хлебороба, его творчестве и мастерстве, постоянном беспокойстве. У земледельцев колхоза «Заря Алтая» добрый трудовой настрой, они преисполнены чувства высокой ответственности за выполнение и перевыполнение планов десятой пятилетки, за создание устойчивого земледелия...».

Прочитал я письмо Василия Серафимовича и понял, что меня охватило то же чувство, с которым я каждый раз уезжал из Гилевки, – надежность, уверенность. Надежные люди живут здесь. Они знают, чего хотят, знают, как надо делать свое дело. Оттого и запальчива мысль главного агронома: земледелец не вправе кивать на стихию, она была и будет. Снять с целины «сливки» – не велика мудрость. Помочь целине обогатиться плодородием – вот задача, достойная земледельца.

1981 г.